

Изолятор

Елизавета Коротких

12+

Елизавета Константиновна Коротких

Изолятор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56282883

SelfPub; 2020

Аннотация

«Изолятор» – сборник необычных рассказов, которые переносят читателя в экзотические миры. Действие происходит то в загадочном Иране, то в далёкой Канаде, а иногда – в чьём-то подсознании... Герои этих коротеньких историй сталкиваются с жизненными трудностями, которые значительно меняют их мировосприятие. Удивительная образность поражает воображение, превращая чтение в приятную медитацию.

Содержание

Изолятор	4
Карма	17
Одиннадцатый шаг.	28
Резольют	38
Душа	64

Изолятор

Во время эпидемии я оставался в изоляторе. Это было огромное многоэтажное здание, рассчитанное на восемь миллиардов человек. Оно вмещало в себя все государства, города, отели, рестораны, университеты, правительственные учреждения и многое другое. Разные сооружения походили на маленькие ячейки, соединялись друг с другом длинными витиеватыми коридорами, поражавшими своей мрачностью, грязью и страшными стенами. Где-то были приятные и чистые коридоры, и как-то раз мне удалось пройти по одному из них. Удивительно, но они появлялись крайне редко, а некоторые люди даже не верили в их существование. Но сейчас я уже не мог свободно передвигаться и гулять по изолятору...

Раньше я бродил по длинным тёмным коридорам, которые вели меня в классные комнаты, в школу, в университет, в магазины, в искусственно созданные парки и так далее. Как ни странно, само расположение всех этих комнат всегда менялось. Сначала мою квартиру и школу соединял короткий, но неприятный коридор с грубыми надписями на стенах. А чтобы попасть в университет, приходилось идти сложными и запутанными путями. Но стоило мне стать студентом, как всё изменилось. Теперь до нужной аудитории я доходил за считанные минуты, а школа совсем исчезла на

моём пути. Так происходило со многими помещениями. Чем нужнее мне было то или иное место, тем ближе оказывалась дверь...

Но пару дней назад нам запретили выходить из своих квартир. Всему виной был смертельно опасный вирус, быстро распространившийся среди населения. Каждый день в разных частях нашего дома появлялись десятки тысяч новых заражённых, которых тут же изолировали. В целях безопасности было решено ограничить передвижение каждого человека, живущего в этом изоляторе. Мне было разрешено находиться в своей квартире и ещё в двух маленьких комнатках.

Во время карантина я рисовал на стене. Многие, наверное, лишь с недоумением бы пожали плечами, узнав о моём занятии. Однокурсники бы посмеялись и удивились. Родителям тоже было не совсем понятно моё увлечение. Единственное, о чём они мечтали, так это о том, чтобы я поскорее нашёл работу и съехал от них.

Но я рисовал. Эта стена была завешена толстым ковром советских времён. С детства я иногда записывал или изображал что-то на ней в тайне от родителей. Как-то раз они узнали о моих проделках и чуть не выгнали меня из дома. Однако мои скрытые записи и рисунки уже нельзя было смыть, стереть или как-то убрать, поэтому вскоре маме и папе пришлось закрыть глаза на моё творчество. А я, ободрённый их равнодушием, продолжал украшать место, в котором жил.

Иногда я писал на стене всё, что меня мучило, освобождаясь от негативной энергии. Я мог изобразить своего обидчика в смешном, даже нелепом виде, и мне становилось легче. Или после неприятной ситуации я оставлял какой-нибудь знак, и все дурные мысли, наполнявшие мой мозг, покидали меня как по мановению волшебной палочки.

На стене я пытался запечатлеть и счастливые моменты своей жизни. Но их было намного меньше, потому что счастье никогда не хочется отпускать. К тому же, люди, окрылённые удачей и везением, далеко не всегда нуждаются в самовыражении.

Одним словом, эта стена была отражением моей души. Именно здесь был настоящий я. Здесь я чувствовал себя действительно свободным и счастливым.

Итак, в эти карантинные дни я рисовал пейзаж. Это был вид из ресторана персидской национальной кухни, который называют в Иране софреханэ. В таких заведениях обычно нет стола и стульев, а вместо них поставлены тахты. Тахта – что-то вроде большого плоского дивана без подлокотников, на котором разбросаны мягкие подушки. Различные блюда и напитки обычно ставят на его гладкую поверхность. Иранцы считают, что такое положение во время еды улучшает пищеварение. Но вернёмся к пейзажу.

Когда-то я видел во сне удивительно живописное местечко на севере Тегерана. Оно называлось Дарбанд. Это была небольшая гористая местность с блестящими журчащими

водопадами, вычурными софреханэ, напоминающими само-бытные произведения искусства, с лавочками экзотических фруктов и пряностей. В таком укромном уголке можно было найти много других восточных диковин.

На стене, однако, выходило не совсем так, как в моём воображении, но меня это не останавливало. Я любил каждую деталь, хоть и непродуманную. Каждую краску, хоть и не передающую настоящий цвет многоликого востока. Каждый штрих, хоть и нечёткий.

Однако не успел я одарить картину последними мазками, как вдруг она начала резко увеличиваться. Моё крошечное творение стало расплзаться так быстро, что за считанные секунды оно заполонило собой всю стену. Теперь страшно увеличенный пейзаж сверкал пустыми не закрашенными дырами, и мне тут же бросилось в глаза всё его несовершенство. Разбросанные краски, неуместные тени, аляповатые, немного вытянутые фигуры... Картина, как быстро разрастающаяся паутина, стала захватывать другие стены. Она даже за-слонила собой окно, и неожиданно я оказался в замкнутом кругу. Стоило мне пошевелиться, как вдруг передо мной появилась тахта, двое иранцев, отдыхающих на подушках, и безмятежно потягивающих кальян. А за ними виднелся до боли знакомый пейзаж.

Удивлённый и совершенно сбитый с толку, я протёр глаза. Но нет, это был не сон. Моя комната куда-то исчезла, а я стоял напротив тахты в открытом софрехане, впервые ощущая

лёгкое дуновения ветра. Как же свеж и приятен был горный воздух! Ведь никогда в жизни у меня не было возможности дышать... Только спёртый воздух в душных комнатах, лабиринтах, коридорах всегда окружал меня. А тут... От этой невероятной чистоты и свежести у меня чуть не закружилась голова. Тяжело было с непривычки, но в то же время так хотелось дышать! Да и всё это безграничное пространство... так странно его было ощущать после стольких лет, прожитых взаперти...

Вдруг меня окликнули по имени. Я обернулся и с удивлением увидел, как двое иранцев помахали мне руками. Когда я подошёл к ним, они вежливо поприветствовали меня и предложили сесть за их столик.

Один из персов был стройным молодым парнем с ярким блеском в тёмных глазах и ухоженными чёрными волосами. Другой был мужчиной преклонного возраста со стриженной, слегка поседевшей бородой и большим животом. На толстых пальцах пожилого иранца сверкали кольца с драгоценными камнями. Большой красный рубин ярко вырисовывался на левой руке.

– А вы из изолятора? – спросил у меня молодой иранец.

– Да, – ответил я. – Вы разве тоже знаете о нём?

– Конечно, о нём все знают, – усмехнулся пожилой.

К нам подошёл официант. Мне не хотелось ужинать кебабом, тогда персы посоветовали заказать горме сабзи. Это специфическое иранское блюдо, которое состоит из риса и

подливки из бобов, овощей и красного мяса, которая подаётся в отдельном горшочке. Недолго думая, я сделал заказ.

– Так вот, на чём мы остановились? – лениво закурил кальян пожилой иранец.

– На людях, – ответил молодой. – Которые позволили себе сами запереться в изоляторе. Разве не так? – вдруг обернулся он ко мне.

Я лишь растерянно пожал плечами. Что он имеет в виду?

– Это долгий и сложный разговор, – покачал головой пожилой. – Тем более, что этот изолятор никогда не кончится.

– Почему? – спросил молодой. – Разве история не делает людей лучше? Не учит их чему-то?

– Нет, точно нет, – ответил пожилой. – Хорошие люди, конечно, встречаются, но ими часто манипулируют. Они нужны этому миру, чтобы унижаться и выполнять чужие прихоти. А так, всё построено на личной выгоде, алчности и жажде наживы. Сами всё прекрасно понимаете.

– Но если каждый человек искоренит в себе всю гадость, которая в нём накапливается с годами, будет чист душой и разумом, то тогда изолятор развалится и все станут свободными. Это очевидно.

– Такое никогда не произойдёт, – ответил пожилой мужчина, чуть усмехнувшись. – Это простая утопия.

– Но человечеству же надо куда-то идти, – задумчиво проговорил молодой перс. – К чему-то высшему. К духовному совершенству...

– Это всё глупости, – махнул рукой пожилой. – Человеку нравится быть хитрым и ловким рабом. Рабом, который себя обманывает и внушает себе, что он господин. И вы спрашиваете, что нас ждёт в будущем? Рабство, сплошное рабство! Продолжится рабство от технологий, от стереотипов, а потом от искусственного интеллекта. Людьюми станет ещё легче манипулировать. А ресурсы вскоре закончатся и всё.

Мне принесли горме сабзи в аккуратном горшочке. Блюдо действительно оказалось вкусным, а эта подливка даже превзошла все мои ожидания. Я с аппетитом уплетал это замысловатое кушание, слушая журчащие персидские речи.

– Всё-таки вы очень пессимистичны, – вздохнул молодой. – А если у меня есть идея? Я всегда мечтал остановить войны. Везде. И всякое межгосударственное давление. Пусть хотя бы верхушки всех стран по-настоящему объединятся, чтобы решить глобальные проблемы. Ведь в условиях тесного мира у нас столько возможностей стать наконец братьями! И какие у нас теперь проблемы! Самое время объединиться во имя общих целей, во имя разработки вакцины против вируса, развития науки, решения экологических проблем! Ведь их так много сейчас... Эпидемия – разве не повод объединиться всем государствам и совместными усилиями разработать, наконец, вакцину, а не устраивать соревнования в этой области? К чему эти торговые войны и санкции? Зачем? Сейчас прекрасное время для проявления человечности. Это великолепная возможность пересмотреть всю эко-

номику мира и избавить многих от бесполезного рабства и нищеты. От глупого политического давления и отупляющей пропаганды. От всего ненужного, что есть на Земле.

Но почему люди придумали проблему дорогих лекарств? Вообще, к чему теперь эта жажда наживы? Разве непонятно, что гармония Вселенной нарушена? Поймите меня правильно, единственное, чего я хочу, так это восстановить её. Исправить деятельность ненасытного человека. Сделать её более умеренной, разумной, действительно развивающей. На мой взгляд, мы должны стремиться к тому, чтобы каждый мог позволить заниматься тем, чем пожелает. Это был бы мир свободных творческих людей, которые бы забыли, что такое вражда. Особое внимание я бы уделил экологии, науке, космическим разработкам и медицине. А эти новые модели гаджетов или планы внедрить искусственный интеллект здоровым людям – зачем?

Молодой иранец перевёл дух. Водопад всё также журчал, но звуков воды почти не было слышно. Голоса окружающих звучали приглушённо, сливаясь с торжественной тишиной. Казалось, весь мир остановился, чтобы послушать искреннюю речь молодого иранца. В его глазах светился живой огонь. Неведомое чувство восторга вновь охватило его, и он продолжил:

– Я не против разных религий и культур. Они украшают наш мир, делают его таким интересным и разнообразным. Единственное, все культуры и религии должны существовать

в мире и согласии. И это действительно возможно, если найти подход к каждому человеку, к каждой стране. Конечно, придётся много работать, чтобы достичь этого идеала. Но если каждый будет работать над своими моральными качествами, над духовностью, всё окажется так просто. Люди будут уважать по-настоящему достойных и великих, основываясь на их личных качествах, а не тех, у кого много денег. Деньги будут чем-то второстепенным, и героями будущего станут духовно чистые люди. Угнетающий изолятор исчезнет и все вздохнут свободно от рабства, давления и пропаганды. А зачем эти войны? Лучше же тратить деньги на действительно важные вещи, а не на вооружённые конфликты... Эра войн и массовых убийств должна кануть в прошлое. Если говорить начистоту, они не выгодны никому, только парочке богачей, которые умело манипулируют людьми.

– Войны всегда будут, – мягко произнёс пожилой. – Людям просто станет скучно жить без них. Не на что будет смотреть, не за чем следить. И всё, что вы говорите, это утопия. Ваши идеи, как бы разумны они ни были, всё равно никому не понравятся. Все лишь посмеются над вами. Мало кто любит менять жизнь к лучшему. Так что бросьте идеализировать мир. Он такой, какой есть и тут ничего не попишешь.

– Я, – чуть захлебнулся от скрытого негодования молодой иранец, – буду бороться. Буду бороться за воплощение своих идей в жизнь. Скажите, – вдруг обратился он ко мне, – у вас в изоляторе теперь ведутся межгосударственные войны? Да

всем уже не до этого! Всё меняется. Люди уже переборщили, а душа мира требует гармонии. И этот изолятор перестанет существовать...

– Извините, – вмешался я, насытившись своим любимым блюдом. – вы тоже жили в этом изоляторе?

– Да, – ответил пожилой перс, – я и сейчас там живу. Но знаете, некоторые его покидают.

– Как так? – удивился я.

– Очень просто. Это может быть любой человек. Это не зависит от пола, внешности, навыков или даже от материального положения. Ведь как говорил ваш великий поэт А. С. Пушкин, когда посещал наши края, что гениальным писателем может быть тот, кто вовсе не признан, кто ни разу не издавался. Но я отвлекаюсь. Пожалуй, люди, которые могут выходить из изолятора и видеть истинные красоты мира, просто по-другому его воспринимают. Не так, как их заставляли. Потом другие их назовут великими или же не обратят на них внимания. Но этот пропуск не вечен. Если такой человек начинает потакать своим низменным желаниям, он вновь станет рабом. И тогда в одно прекрасное утро он проснётся в изоляторе, из которого уже нельзя будет выйти...

– Но я не знал, что можно вообще покинуть этот изолятор, – удивился я. – И многие не знают.

– Потому что мы запрограммированы на рабство. Всё просто, – устало вздохнул пожилой. – А вы всё мечтаете разрушить изолятор и надеетесь, что люди наконец найдут се-

бя в жизни, будут счастливы и свободны. Но нет. Этот изолятор будет только разрастаться. Будут строиться новые и новые корпуса, пристройки, они будут соединяться новыми многочисленными сложными коридорами... и только когда ему уже некуда будет расти, когда он подомнёт под себя всю природу, только тогда он начнёт разваливаться. Но никто не успеет насладиться свободой и свежим воздухом – наступит конец всему, что есть в мире.

Молодой перс сидел с подавленным и опустошённым видом. Интересно, он переживал из-за досадного разговора или потому, что вдруг в нём убили намерение создать свободное, духовно чистое и счастливое общество на Земле?

– Пойдёмте прогуляемся, – предложил пожилой перс. Красный рубин ярко сверкнул у его руке. – Я устал сидеть.

Вечерело. Солнце уже давно скрылось за высокими горами, окружёнными цветущей зеленью. Я стремился впустить в себя как можно больше чистого воздуха. Тихое журчание воды успокаивало слух. По узеньким извилистым тропинкам ходили колоритные иранцы. В местных ресторанчиках зажигались огни, а рядом с прилавками и миниатюрными магазинчиками красовались яркие фонари.

Мы шли молча. Наверное, каждый из нас обдумывал этот разговор. После сытного ужина мне не очень хотелось думать, но навязчивые мысли сами лезли в голову. Действительно, почему никто не прислушивается к идее молодого человека? Почему люди всерьёз не хотят сделать свою жизнь

полной, а потакают своим низменным желаниям, которые их же ограничивают?

Почему они не прекращают бесполезные кровопролитные войны? А зачем воевать? Почему бы действительно нам не объединиться, чтобы создать вакцину от вируса? Почему никто не стремится развивать экологическую промышленность? Сделать её более доступной и дешёвой? Это же можем мы, люди! Почему мы не поощряем учёных, преподавателей и врачей? Всё потому, что НЕ выгодно тратить на них деньги... Да и почему вдруг деньги, войны, манипуляция и собственная глупость стали важнее лучших человеческих качеств? *И к чему нам столько всего ненужного на Земле?*

На нашем пути встретился мужчина, у которого на плече сидел разноцветный попугай. В руках у иранца были тоненькие листочки со стихотворениями Хафиза. В Иране существует традиция гадать по сборнику стихотворений этого прославленного средневекового поэта.

Молодой перс остановился перед мужчиной с попугайчиком и дал ему несколько туманов (денежная валюта в Иране). Яркая птица достала клювом первый попавшийся тонкий листок бумаги и протянула его юноше. Молодой человек молча раскрыл его и с интересом начал читать пророчество. Тогда я решил последовать его примеру и тоже получил гадание. Персидская вязь казалась такой странной и замысловатой, слова превращались в малопонятные афоризмы, бук-

вы начинали путаться перед глазами, у меня закружилась голова...

Я очнулся в своей комнате. На стене красовался тегеранский пейзаж совсем небольшого размера. Все мои вещи были на месте. За стенкой слышались голоса родителей. Они спорили о том, как выживать дальше в условиях карантина и гнетущего безденежья.

Было слышно тихое тиканье часов. Через пять минут должна будет начаться дистанционная пара. Тяжело вздохнув, я сел за стол, чтобы включить компьютер. Вдруг я почувствовал, что держу маленькую бумажку в руке. Недолго думая, я развернул её и положил на свет. Там было написано:

«Добро пожаловать в наш многогранный мир. Теперь Вы можете покидать изолятор, когда вам будет удобно».

Карма

Они все были добры ко мне. Все до единого. Они пели и танцевали в огромном доме, угощали нас сладостями, а мы наслаждались их гостеприимством. Синие, фиолетовые и розовые тени блуждали по полу, потолку и стенам. Восточная музыка растворялась в этих красках и мелькающих лицах.

– Идём танцевать, – услышала я голос Марьям. – Не стесняйся.

Длинные силуэты двигались в ночи. Женщины снимали чёрные чадры, будто открывая свои драгоценные тайны. Они плавно двигались в танце, а мужчины кружились возле них. Некоторые стояли в стороне и наблюдали за танцующими. Кто-то мысленно выбирал себе пару для следующего танца, а кто-то просто наслаждался чарующей атмосферой закрытого востока. Подсвечники, освещавшие просторную гостиную с двух сторон, придавали месту зловещую романтику.

– Приглашаю вас на танец, – вдруг выплыл какой-то перс из тумана силуэтов.

– Спасибо, но я не танцую.

– Почему?

– Не хочется. И мне пора домой.

– Ой, да бросьте вы. Танцы – это жизнь! А переночевать и у нас можно.

– Спасибо вам большое за гостеприимство, но, увы, не мо-

гу вас обременять.

– Ну что вы! Вы нам нисколько не мешаете.

– Нет-нет, я не могу. Вы уж простите меня. Мне надо идти.

– Зря вы так... Я бы хотел, чтобы вы остались...

Его лицо было трудно разглядеть в туманной темноте, переливающейся разными оттенками. Но за его головой я увидела свет...

Неожиданно на месте подсвечника появилась женщина. У неё была бледная-бледная кожа, чёрные растрёпанные волосы и яркие тёмные губы. Её сильно накрашенные глаза яростно сверкали в полумраке, а длинное чёрное платье растворялось в огоньках свеч.

– Я человеческая карма! – крикнула она душераздирающим голосом.

Меня бросило в дрожь. Этот страшный голос эхом раздавался в моей голове и разлетался по всему телу, будто внутри меня была пустота. «Карма, карма, карма...», – звучало у меня в ушах. Я хотела убежать.

К моему удивлению, никто не обратил на женщину ни малейшего внимания, будто её и не было. Все продолжали танцевать, играла музыка, а внезапно выплывший из толпы перс продолжал мне что-то говорить.

– Вы не слышали? – перебила его я.

– Что? Кого?

Я показала в сторону подсвечника. Женщина внимательно смотрела мне прямо в глаза, а потом вдруг злорадно рас-

хохоталась. От её жуткого смеха у меня побежали мурашки по коже.

– Где? Что? – непонимающе спрашивал иранец, глядя на подсвечник.

– Ну там женщина! Смеялась только что.

– Какая женщина?

Вдруг подсвечник с грохотом повалился на пол. Все в ужасе отпрянули, особенно те, кто стоял или танцевал поблизости. Пока он падал, все свечи, горящие на нём, моментально потухли. Остался лишь лёгкий тонкий дымок и мелкие, разбросанные по всему полу осколки. Женщина с чёрными губами исчезла.

Какие-то мгновения иранцы стояли в изумлении и смотрели на сломанный подсвечник. Осознав произошедшее, они тут же начали суесться, паниковать и громко обвинять друг друга. Некоторые столпились вокруг осколков и начали изучать каждую деталь. Носящиеся силуэты, полумрак, тёмные чадры, крики, всеобщее волнение, огоньки – от всего этого у меня закружилась голова. Реальность начала смешиваться с подсознательным, и меня охватила резкая слабость. Пора было уходить.

На улице мне стало лучше. Приятный свежий воздух придал новые силы. Кромешная тьма окутала большой сонный

город, и лишь на горизонте мелькали разноцветные огоньки.

– Ты знаешь, где метро? – вдруг услышала я вопрос на русском.

Я удивлённо обернулась. За мной стоял молодой парень лет двадцати. Во мраке было сложно разглядеть его глаза, а черты лица слились с серой темнотой. Но он явно не был иранцем...

– Сама не знаю... – мой голос почему-то задрожал.

– Не бойся меня, я тоже был на этой вечеринке. Меня зовут Петя. А тебя?

Вглядевшись в его глаза, я поняла, что они были светлыми, а черты лица – правильными и красивыми. Мы познакомились и пошли, куда глаза глядят. Петя оказался простым туристом, не знающим даже персидского языка. Он приехал в Иран на неделю и через пару дней собирался возвращаться в Россию. На вопрос о том, как он попал на эту вечеринку, Петя лишь развёл руками:

– Ну знаешь, иранцы очень гостеприимные...

Мы долго бродили по темноте, смеясь и оживлённо разговаривая. Петя оказался приятным собеседником и своей общительностью очень располагал к себе. Его взгляд излучал свет и доброту. В синих, как океан, глазах сверкали далёкие огоньки, и лишь изредка они покрывались чёрной пеленой.

Вскоре мы увидели каких-то людей на горизонте. Подойдя поближе, стало ясно, что мы забрели на какую-то необычную и довольно пугающую улицу. Она была освещена туск-

лым фиолетовым светом с оранжевой примесью, а по сторонам длинной дороги, растворявшейся вдаль, стояли мужчины. У каждого из них на голове был платок, закрывавший лицо, а сзади светилась горящая мантия. Её подол был весь в огне, который, как ни странно, не распространялся дальше. За спиной каждого безликого мужчины сверкала чёрная винтовка.

Мы остановились и уставились на них, как вкопанные. После нескольких мгновений оцепенения мы пришли в себя и увидели парочку, идущую вдаль. Мужчина в обычной одежде обратился к одному из безликих. Они перебросились парой слов, а потом спокойно разошлись. Вскоре он вместе со своей дамой скрылся за горизонтом.

– Давай спросим у них, как дойти до метро, – тихо прошептал Петя.

– Ты уверен? – спросила я.

– Ну эту парочку они же не трогали. Наверное, это просто полиция. Ночной патруль.

Я лишь пожала плечами. Действительно, ничего не оставалось делать, кроме как спросить у них. Полностью осмелев, я подошла к тому «полицейскому», который был ближе всего.

– Извините, пожалуйста, не подскажете, как дойти до метро? – спросила я по-персидски.

Мужчина с закрытым лицом молча повернул голову в мою сторону. На какое-то мгновение меня охватил жуткий страх,

сердце бешено заколотилось, побежали мурашки по коже, и я сделала нерешительный шаг назад. Неожиданно мужчина подошёл ко мне поближе и произнёс:

– О, какая красивая девушка! Будешь моей женой.

Я в ужасе отпрянула. Страх полностью охватил меня, и появилось желание поскорее убежать отсюда. Только этого ещё мне не хватало для полного счастья. Но мужчина оказался настойчивым. Он подбежал ко мне чуть ли не вплотную. За его спиной угрожающе развевалась огненная мантия.

– Ну давай, дорогая, соглашайся! Будем ночами веселиться!

Наверное, на меня бы напали, если бы не Петя. Он тут же подскочил к мужчине и резко ударил его в солнечное сплетение. Тот повалился на землю от страшной боли. Пока он стонал и пытался подняться, мы с Петей побежали прочь. Сначала кто-то бросился за нами, и мы даже слышали редкие выстрелы. Но вскоре огненно-фиолетовая улица осталась позади.

Мы бежали долго, скрываясь в темноте. Покров ночи, одновременно пугающий и таинственный, оказался для нас настоящим спасением. Теперь звуков выстрелов и суетливой беготни не было слышно, и мы обнаружили, что остались вдвоём в крошечной тьме.

Мы перевели дух и перешли на быстрый шаг.

– Господи, какой кошмар, – задумчиво произнесла я.

– Да уж, – угрюмо произнёс Петя. – Какие же они подонки.

Мы молча шли, держась за руки. Перед глазами до сих пор стоял этот внушавший страх безликий мужчина. Неужели они могут просто так взять и украсть девушку для своих нужд? Ведь у них оружие... Если ты наделён властью, то тебе позволено всё? И такие, как я, даже не защищены законом...

– Не говори больше с ними, – пробормотал Петя. – Извини, что предложил такую идиотскую идею.

– Ладно уж, чего жалеть, – ответила я. – Спасибо, что выручил, – и улыбнулась.

Петя лишь быстро взглянул на меня и отвернулся. Он о чём-то сосредоточенно думал. Я не стала его отвлекать.

Мы долго шли в неизвестном направлении. Сначала нас окутывала крошечная тьма, лишь только звёзды отдалённо сверкали на небе, и мы блуждали, будто в космосе. Вскоре стали появляться более-менее освещённые улочки, и чем дальше мы шли, тем светлее они становились. На таких улочках иногда даже встречались люди, они быстро куда-то шли, а потом исчезали, словно призраки. Постепенно их попадалось всё больше и больше на нашем пути, и мы уже перестали обращать на них внимание. Вскоре мы вышли на ярко освещённую площадь, где уже гуляли какие-то толпы. Все суетились, шумели и ходили туда-сюда.

Площадь походила на огромную оживлённую воскресную

ярмарку. Однако шум и суета, наоборот, раздражали меня. Мы очень устали, почти выбились из сил, и единственное, о чём мечтали – так это просто поехать домой и уснуть. Может быть, мы прошатались всю ночь, и день был уже в разгаре ... А может, это было искусственное освещение. Мы потеряли счёт времени.

Вдруг на другой стороне площади я увидела сооружение со знаком метро. Рядом с ним высились огромные водные горки с крутым спиралевидным спуском. Самая высокая из них была красного цвета.

– Вот это да... – у меня захватило дух. – Наконец-то мы нашли метро...

– Ага, – радостно воскликнул Петя. – Не думал, что в Иране строят водные горки прямо на улицах.

«Какое-то недоразумение, – подумала я. – Здесь не может быть водных горок». Мы быстро перебежали площадь и очутились прямо у входа в метро. Вокруг него стояли мужчины с закрытыми лицами и чёрными винтовками за спиной. За ними развевались огненные мантии. При нашей попытке войти, они тут же направили на нас оружие.

– Но почему? – устало спросила я. – Нам нужно в метро.

– Нельзя, – ответил самый крупный из них. – Войдёте сюда – вам смерть.

Я оторопело посмотрела на него. Потом на других. Платки вместо лица, огонь, винтовки... кто они? Какие же они все одинаковые! И пугающие...

– А можно как-нибудь по-другому попасть в метро? – поинтересовалась я. – Мне просто нужно поехать домой.

– Только через водные горки. Скатываетесь – и вы в метро. Другого пути нет.

Я вежливо их поблагодарила, и мы с Петей отправились на поиски входа. Сооружение было достаточно большим по площади, и нам пришлось долго идти прямо, чтобы обогнуть ближайший угол. Казалось, мы попали в какой-то лабиринт, потому что некоторые стены сооружения соединялись аркой с другими зданиями. В итоге, нам кое-как удалось выйти на открытое пространство, но вход на водные горки мы так и не нашли.

Разочарованные, мы побрели в сторону площади. Рядом со мной шла иранка в чёрной чадре с корзинкой в руках. Она остановилась посреди площади и посмотрела на это огромное сооружение.

– Извините, пожалуйста, не могли бы вы подсказать, где тут вход на водные горки? – обратилась я к ней.

Она обернулась и смерила меня взглядом.

– Зачем вам?

– Чтобы попасть в метро.

– Ах да, сейчас же теперь так... – пробормотала иранка. – Ну что ж, пойдём. А этот тоже с нами? – и она кивнула го-

ловой на Петю.

Я обернулась. На месте молодого туриста стоял маленький мальчик лет восьми. У него были такие же большие синие глаза и выражение лица, как у Пети. Он испуганно и озадаченно озирался по сторонам. «Почему он стал ребёнком? Неужели он мой?» – подумала я в недоумении.

– Да, он со мной.

– Хорошо, идём.

Иранка повела нас какими-то сложными и витиеватыми путями. Мы прошли несколько арок, дважды сменили направление в лабиринте, один раз поднялись наверх и спустились вниз. Наконец-то долгожданный момент наступил. Мы дошли до желаемого места.

У входа стоял высокий и крепкий мужчина. Как ни странно, его лицо не было закрыто, огня и оружия у него тоже не было.

– Вот, желают прокатиться, – произнесла иранка.

– Без проблем, – ответил мужчина, приятно улыбаясь. – Идём за мной.

Этот путь оказался намного проще, чем предыдущий. Мы поднялись по лестнице и взобрались на самую высокую красную горку.

– Ребёнок поедет со мной, – сказал мужчина и сел на горку. – Так полагается.

Петя сел сзади и ухватился руками за его мускулистые плечи.

– Раз, два, три, поехали! – крикнул мужчина, и они стремительно покатались подгоняемые водой.

Теперь настала моя очередь. Вдруг меня охватила паника. А что, если я с неё упаду? Или покалечу себя? Или разобьюсь? С такой высоты город выглядел совсем крошечным... Так, лучше туда не смотреть.

Я села поудобнее, закрыв глаза. Вода струилась подо мной, но я не замечала, как мокнет одежда и обувь. «Будь, что будет, – подумала я. – Раз, два, три...»

Я резко оттолкнулась, и меня закружила длинная красная спираль. Я стремительно катилась всё вниз и вниз, не видя конца и края. «Человеческая карма! Карма!» – вдруг эхом отозвалось где-то в глубинах подсознания. Передо мной всё потемнело и...

Этот мир исчез от меня навсегда.

Одиннадцатый шаг.

Фиолетовое свечение. Мягкая прозрачная вода растекалась по поверхности, а над ней красовался лёгкий дымок. Кругом была пустота. Полнейший вакуум. Неизвестно, где были границы, плоскости, рамки... Да и кому они нужны? В этом мире нет деления, всё едино и взаимосвязано. Вода превращается в воздух, воздух в белый дым, дым растворяется в безграничном фиолетовом пространстве, а оно в свою очередь уходит в никуда. И это всё одно целое.

Вдруг голубовато-золотой силуэт появился над водой. Это молодой парень неслышно двигался по поверхности, у которой не было ни опоры, ни дна. Он сделал один шаг вперёд и остановился. Светящийся в темноте, он осторожно оглянулся по сторонам, будто боясь кого-то спугнуть. Но ничего не было. Вокруг него царила девственная тишина. Лишь слышно было, как мелкие, едва видимые волны разбиваются о его ноги. Тогда парень сделал ещё один шаг. Более смелый и решительный.

Где-то вдали пролетели птицы. Фиолетовая дымка продолжала окутывать мужской силуэт, растворяясь в воздухе и голубовато-золотом сиянии. Молодой человек опять шагнул... На этот раз очень аккуратно, даже немного боязливо. И остановился посреди воды.

Неожиданно ему навстречу выплыла девушка. От неё ис-

ходило изумрудное сияние с маленькими красными огоньками. Она испуганно озиралась по сторонам, а потом вдруг неловко оступилась. Ей кое-как удалось удержаться на согнутых ногах, и она осторожно шагнула вперёд. Теперь полностью выровнявшись, она сделала два маленьких шажка навстречу юноше, скользнув по воде.

Вдруг между двумя силуэтами появился яркий луч света. Он отливал кислотно-жёлтым оттенком и действовал ослепляюще. От такого обилия света и мощности слезились глаза.

Парень и девушка остановились. Они были в четырнадцать шагах друг от друга. Мощный луч, исходящий из груди молодого человека, растворялся в теле изумрудной девушки. Они молчали и, казалось, боялись двигаться дальше.

Играла музыка. На полу был разлит алкоголь, а на столе валялась грязная посуда с остатками еды. Четыре человека, весёлые и счастливые, двигались в ритм. У кого-то кружилась голова, а кто-то не брал в рот ни капли спиртного. Но яркие краски комнаты уже сливались в одно размытое пятно даже у трезвенников. Вера, будучи одной из них, чуть не упала от усталости и непреодолимого желания заснуть. Её подхватил миловидный парень по имени Семён.

– Давай я включу клёвую музыку, – сказал Семён, и тут же начал смотреть что-то в телефоне. Его глаза улыбались, он

развязно двигался, пока искал музыку. Вера неловко переминалась с ноги на ногу, оглядывая комнату сонным взглядом.

Вдруг заиграла песня “Blue Angel” Роя Орбинсона, и Семён подошёл к девушке. Он взял её за талию, прижал к себе и начал медленно двигаться в танце. Вера вторила ему, и ей было очень приятно. Её лишь волновало, сознаёт ли он происходящее или нет?

Вдруг Семён начал целовать её шею. Сначала Вера чуть не отпрянула, не понимая, хорошо это или плохо. Ведь ничего такого у неё с ним не было раньше. Уж не слишком ли он пьян?

Она почувствовала его поцелуи на шее, на лице и губах, и уже не могла сопротивляться. Девушка всегда хорошо относилась к Семёну, ей нравилось его общество, а эти неожиданные ласки приятно удивили её. И она, недолго думая, поддалась соблазну.

Потом они пошли в другую комнату, а через некоторое время вовсе покинули квартиру друзей и вышли на улицу. Они вдохнули свежий и холодный воздух глубокой ночи. «Наверное, он протрезвел», – беспокоино подумала Вера.

Они шли сначала молча по тёмной улице, не держась за руки. Холодный воздух освежал сознание, и Вере уже не так хотелось спать. Она глядела на ночной мрак ясными и широко открытыми глазами. Семён шёл рядом, задумчиво опустив голову. О чём он думал в этот момент, один Бог знает.

– Ну что, будем лезгинку танцевать? – спросила обеспокоенная Вера, чтобы прервать неловкое молчание.

– Да нет, что-то не хочется, – усмехнулся Семён. В его светлых глазах отражались белые блики от светящихся фонарей.

– Мда... Весело тогда было после той прошлой вечеринки, – ответила Вера.

– Сегодня тоже нам было весело, – улыбнулся Семён. – Не хочешь, кстати, в магазин сходить? Мне нужно разменять деньги, чтобы заплатить за такси.

Они зашли в первый попавшийся магазин, который работал круглосуточно. Там не было никого, кроме кассиров и персонала в форме. Вера тут же вспомнила, что ей нужно было купить молоко и хлеб, а Семён взял себе творог. После совершения столь важной покупки в три часа ночи довольные ребята с пакетами вышли на улицу и вызвали такси.

Они говорили о какой-то ерунде. О продуктах, носках, жирафах, видах макарон, и, конечно же, не забыли упомянуть нестабильную политическую ситуацию в Сирии. Когда эти двое сели в такси, их забавные, непринуждённые и порой даже несуразные разговоры никак не могли закончиться...

Им было очень весело и хорошо.

Вера и Семён вышли из метро.

– Ну что, знакомься, это мой район, – произнёс Семён, небрежно проведя рукой.

Вера усмехнулась и огляделась по сторонам. Её окружали серые, ничем не примечательные дома, а прямо напротив метро возвышался торговый центр. Вокруг него ходили совершенно разные люди: и модные подростки, и мужчины с Кавказа, и пожилые женщины с внуками, и молодые люди в костюмах. Эта разношёрстная толпа сновала туда-сюда, а отчаянно спешившая куда-то женщина чуть не сбила Веру с ног.

– А где твой дом? – спросила она у Семёна.

– О, до него нужно идти минут пятнадцать-двадцать. Прогуляемся?

Вера была не против. Они пошли дворами в неизвестном ей направлении и двигались так быстро, что девушка никак не могла запомнить дорогу. Семён, для которого этот путь был самым привычным на свете, начал на ходу рассказывать всякие истории, произошедшие в этих краях.

– Вот здесь, – говорил он, – живёт бывший военный. Если он тут гуляет, ты рискуешь застрять с ним надолго, выслушавшая его рассказы о своей жизни. Так просто он от тебя не отстанет. А здесь ходит психически больной. Он безобидный парень, но от него тоже так просто не уйти... А здесь обычно сидят три алкаша и предлагают мне выпить каждый божий день. Помню, было дело...

Таких занимательных историй было много, и Веру это

очень забавляло. В её дворе не было таких колоритных личностей.

Дом Семёна оказался одним из самых простых серых зданий, которых было очень много вокруг. Он сливался с мрачным апрельским небом, застланным хмурыми тучами.

– Не хочешь поесть? – предложил Семён.

– Хочу, – ответила Вера. Она очень проголодалась.

– Знаю я тут один хороший ресторан, – сказал парень. – Там очень вкусная еда. Пойдём туда?

– Пойдём.

Вере вдруг стало очень весело. Семён умел поднять настроение и удерживать этот бесшабашный порыв души на долгое время.

Изумрудный и золотистый силуэты всё ещё стояли друг напротив друга, и их обволакивал фиолетовый туман. Волны мягко покачивались из стороны в сторону и отражали яркий луч света, соединявший эти два сердца. Он всё ещё светил, придавая холодному пространству видимость тепла.

Вдруг послышалось чьё-то пение. Сначала оно было тихим, как голос совести, раздающийся внутри каждого из нас. Но постепенно вокал становился всё громче. К нему присоединялись и другие голоса, в том числе и мужские, и вскоре они заполонили всё звуковое пространство фиолетового ва-

куума. Было сложно понять, кого в этом хоре больше, мужчин или женщин. Все голоса звучали в унисон.

Они пели на языке Вселенной, непонятном никому из простых смертных. Эти мотивы были очень спокойными, как тихая и счастливая жизнь. В них чувствовалась некая гармония и чарующая красота вечности. Под это удивительное пение молодой человек сделал два шага навстречу девушке. И остановился.

Изумрудная фигура не двигалась. Она была ослеплена красотой музыки и решительностью юноши. Девушка пребывала в неописуемом восторге и не знала, как выразить своё восхищение. Потрясённая и очарованная, она скользнула по воде навстречу юноше, сделав четыре шага.

Оказавшись так близко перед ним, молодая дева испуганно прикусила губу. Ей вдруг захотелось отойти немного назад. Но назад идти было поздно.

* * *

Они ходили в кино, ужинали в дорогих ресторанах, гуляли в парках, ели мороженое, танцевали на улицах, бегали вместе по утрам... Они были беззаботными и счастливыми, как птицы, летящие в просторных небесах. Они летели и не беспокоились о своём будущем, наслаждаясь лишь стремительностью и красотой полёта, размахом своих крыльев и гармонией в душе...

Но воздух! Он такой объёмный и непостоянный, а ветра каждый день могут дуть в разные стороны.

— Я не знаю, к чему ведут эти отношения, — как-то сказал Семён.

— Я тоже, — ответила Вера, — но мне нравится.

— А я иногда не знаю, — задумчиво ответил Семён. — Не знаю, какое у нас будущее.

— Какая разница, — беспечно ответила Вера. — Главное, мы друг друга любим, и нам хорошо.

Семён лишь вздохнул и отвёл взгляд. Он не знал, насколько ему была нужна такая любовь, ведь он привык быть всегда свободным человеком. И не связывать себя ни с кем. Но в то же время, ему вроде всё нравилось...

Вера лишь усмехнулась. Она не понимала, что Семён всерьёз задумался над этим вопросом.

В ответ на следующие два шага юноши девушка сделала три. Она посмотрела вниз и увидела, что прямо у её ног загорелась красная полоска, а на волнах появилась цифра десять, сотканная из туманного воздуха. Девушка уже сделала свои десять шагов из десяти возможных. Парень же оставался на седьмом. Он не решался двигаться вперёд.

Неземная музыка начала стихать. Сначала отделялись мужские голоса, без которых звуки становились более высо-

кими и даже жалобными. Девичье пение глубже проникало в душу, вселяя в неё трагичные ноты. Но и женщины потихоньку стали замолкать. Остался лишь тоненький высокий голосок, который так пронзительно звучал, что девушка обронила изумрудную слезу. Однако и этот голос становился всё тише и тише, а потом и вовсе умолк. Над фиолетовой водой вновь образовалась гнетущая тишина.

Молодой человек, излучающий золотой и голубой свет, стоял в нерешительности. Он думал. Хотел ли он сделать шаг вперёд? Если бы хотел, давно бы сделал. Что-то его останавливало.

Вода искрилась изумрудными блёстками. Свет от луча между двумя силуэтами постепенно угасал. Он уже был не таким ярким, как раньше, а становился более мягким и неуловимым, постепенно сливающимся с фиолетовым вакуумом...

Изумрудно-красная девушка с недоумением смотрела на застывшего юношу и на угасающий луч. Однако ничего не менялось. Он также стоял, что-то напряжённо обдумывая, а золотая вода разливалась у его ног. Тогда девушка глубоко вздохнула и... сделала ещё один шаг.

Красная линия с плавающей цифрой десять исчезла. Вместе с ней испарилась и вода, успокаивающая и дающая силу. Изумрудно-красное и голубовато-золотое свечения стали более тусклыми, и девушка упала на жёсткую поверхность, больно ударившись ногой. Она попыталась встать, но

не смогла: её рука была в наручнике. Некогда яркий луч света превратился в серую и тяжёлую цепь, которую держал в руках молодой человек.

Испуганная девушка подняла глаза и посмотрела на него. Его взгляд был холодный и неприступный. В этих голубых глазах появилась какая-то новая тень, и девушке показалось, что он постарел. Юноша отвернулся от некогда изумрудной фигуры и сделал шаг вперёд, затягивая цепью девушку. Её лицо осунулось, а под глазами появились тёмные круги.

– Нет! – отчаянно закричала девушка.

Молодой человек обернулся и с содроганием посмотрел на неё. Вместо светящейся изумрудом красавицы перед ним сидела в изможденная мученица со впалыми щеками.

– Нет! – ещё раз протянула девушка, глядя ему в глаза. Она попыталась освободить руку, но у неё ничего не получилось.

Тогда ошарашенный юноша, недолго думая, бросил цепь на пол и побежал прочь. Он исчез в тот мир, откуда пришёл.

Разбитая девушка облегчённо вздохнула. Ей удалось с трудом встать и резким движением освободить себя от цепи. Боль сковывала её по всему телу, но нужно было держаться. Тогда девушка отшвырнула от себя цепь, и её раны на ногах моментально зажили.

«Не надо было делать одиннадцатый шаг, – подумала она. – Он и девяти не сделал даже».

Резольют

Маленький Витя ложился спать. Он уже принял душ, переоделся, снял смешные круглые очки, в которых походил на медвежонка и, укутавшись в тёплое одеяло, ждал, когда к нему придёт кто-нибудь из родителей пожелать спокойной ночи.

Через несколько минут в комнату заглянул папа. Он остановился на пороге, взглянул на малыша, улыбнулся и сказал: – Ну всё, Витя, сладких снов. Хорошенько выспись, нам завтра рано вставать.

Чёрный глаз Вити хитро выглядывал из-под одеяла. Мальчик с довольным видом кивнул головой и отвернулся к стенке. Тогда папа выключил свет и отправился в свою спальню.

«Ну наконец-то!» – подумал Витя и подбежал к письменному столу. У него был крохотный тайник в одном из ящиков, и ребёнок, недолго думая, достал оттуда сотовый телефончик. Мальчик осторожно прислушался к звукам шагов в квартире, но всё было тихо, и, казалось, ничто не предвещало опасности. Успокоившись, Витя быстро разблокировал экран и зашёл в своё любимое приложение – «Гугл Карты». С раннего детства мальчика поражали рассказы о далёких странствиях и приключениях, а другие миры и страны всегда волновали его воображение. Так, наш юный герой сидел и изучал карту Канады. К его счастью, в приложении мож-

но было разглядеть даже номера домов и планировку улиц, и Витя нередко представлял, что он прогуливается по одной из них. Но самым любимым его местом была деревушка Резольют на одном из Канадских островов в районе Кикитани.

Витю манил север. Полярные ночи. Северное сияние. Его притягивал этот забытый кусочек земли, и мальчик каждый день открывал карту именно этой деревни и изучал её. Хотя в ней не было ничего особенного и эти сто домов можно было уже легко запомнить, Витя никак не мог оторваться от карты. Он представлял себя то обычным жителем Резольюта, то хозяином гостиницы, то путешественником, проезжающим через маленькие белые улочки на трансфере...

— Ага! Я так и думал! — вдруг послышался громкий голос отца прямо над ухом.

Витя едва успел пошевелиться, как папа тут же выхватил телефон у ребёнка из рук и пошёл с ним в свою спальную комнату.

— А я обыскал всю его комнату и никак не мог понять, куда он его спрятал, — жаловался папа маме, показывая телефон.

Витя от столь неприятной неожиданности расплакался. Красный от слёз он побежал за папой, семеня по полу маленькими голыми ножками.

— Ну папааа! ... — кричал ребёнок. — Отдай телефон!

— Нет, не отдам! — ответил отец, ликуя. — Теперь я понял, почему тебя невозможно разбудить по утрам. Ложишься вроде рано, а ночью, оказывается, ещё сидишь с телефон-

чиком, глаза портишь!

– Да, Витя, у тебя и так плохое зрение, – поддержала мама своего мужа. – Иди лучше в свою комнату и перестань плакать.

Она попыталась успокоить разбушевавшегося ребёнка, но это ей едва удалось. Витя плакал как никогда раньше. В его горьких слезах смешалось всё: и шок от неожиданности, и гнев отца, и главное... ночь без телефона. Без любимой крошечной деревни Резольют.

– Ну хватит, хватит, – приговаривала мама. – Витя у нас просто мечтатель. Не кричи на него только, – обратилась она к своему мужу.

Благодаря её дипломатическим усилиям, через некоторое время и отец, и сын сделали вид, что успокоились. Однако в глубине души Витя был бесконечно зол на эту несправедливую ситуацию и хмуро побрёл к себе. Его вечер был испорчен, а значит, следующий день не обещал ничего хорошего. Угрюмый Витя закрыл за собой дверь, выключил свет и медленно побрёл к кровати.

Весь следующий день Витя ходил хмурый и задумчивый. Он даже умудрился схлопотать двойку по своему любимому предмету – окружающему миру. Всему виной была его простая невнимательность.

Дома ему пришлось вытерпеть негодование родителей, их наставления на повышенных тонах и недовольные взгляды. Ребёнок и так был расстроен из-за оценки, а после выговоров и выяснений отношений он почувствовал себя ещё хуже.

В этот день никто не пожелал Вите спокойной ночи. Мальчик с грустью посмотрел на дверной проём, сквозь который проходила полоска света. Мама и папа о чём-то тихо говорили в своей спальне, но их голоса были едва слышны. Удручённый мальчик подошёл к двери своей комнатки и медленным движением руки потянул её к себе. Как только она закрылась, ребёнок вдруг увидел на полу рассыпанные блёстки.

Они переливались разными цветами радуги, приветливо подмигивая. От каждой исходил приятный свет, ласкающий глаз, и Витя с любопытством начал разглядывать эту красоту. Все мрачные мысли моментально вылетели у него из головы, и он даже улыбнулся. Эти блёстки напомнили ему ночное августовское небо, полностью усеянное падающими звёздами. Именно прошлым летом, глядя на эти небесные узоры, он загадал своё главное и заветное желание: «Полететь в Резольют»...

Вдруг из темноты выплыла золотая карета, засыпанная такими же блёстками. В ней сидел маленький мальчик, вероятно, Витин сверстник. На голове у него была жёлтая панама, а курчавые волосы прямо лезли в глаза. Он сразу же увидел нашего ошеломлённого героя, всё ещё державшего руч-

ку двери.

– Привет! – радостно воскликнул мальчик.

– П..привет, – неуверенно произнёс Витя и тихими шажками подошёл к карете.

– Хочешь тоже прокатиться? – спросил мальчик.

– А можно? – удивился Витя.

– Ещё как! Я приехал как раз за тобой.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы отвезти тебя в Резольют.

– Да??? – Витя чуть не упал от неожиданности. Его сердце сильно забилось от восторга, а в глазах сверкнули торжествующие искорки. Он даже обнял мальчика от радости. Но потом вдруг резко помрачнел...

– Но... мама и папа... – тихо произнёс Витя. – Они не отпустят.

– А они ничего и не узнают, – беспечно ответил мальчик.

– Но, если будут меня искать?

– Хм... ну можешь оставить записку на столе. Чтобы были спокойны.

– Точно! – обрадовался Витя. Он взял первый попавшийся клочок бумаги и написал: «Всем пока! Я улетел в Резольют».

Довольный собой Витя положил бумажку на центр стола. Затем он повернулся к мальчику и нетерпеливо произнёс:

– Ну что? Поехали?

Они сели в сверкающую золотую карету. В окне появился

белый пегас с приветливым взглядом. Он размахивал белоснежными крыльями, длинными, как Млечный Путь. Вдруг открылось окно. Дул морозный ветер. Снежные хлопья летели в лицо, а светящиеся крылья, будто сотканные из мириад звёзд, трепетали на горизонте.

Витя потерял сознание.

Он очнулся на тёмной, засыпанной снегом улочке. Мрачное вечернее небо окутывало неизвестную местность, а снег так и валил хлопьями. Вокруг бегали ребятишки, они валялись в сугробах и играли в снежки. Повсюду был слышен звонкий детский смех.

Витя с удивлением обнаружил, что он одет в свой тёплый пуховик. Сделав несколько шагов к детям, ребёнок тут же провалился в сугроб. К нему подбежал мальчик лет десяти и протянул руку помощи, приговаривая что-то на английском. Витя быстро поднялся и застенчиво улыбнулся. Он не знал, что делать дальше.

Мальчик лихорадочно вспоминал, как сказать «спасибо» на английском. Но он настолько разволновался, что все слова, которые он учил в школе, мгновенно вылетели у него из головы.

Незнакомый ребёнок что-то пролепетал по-английски, а потом спросил Витю, откуда он. Это был первый и пока единственный вопрос, который понял наш маленький герой. Обрадованный Витя тут же ответил:

– Я из России. Но я плохо говорю по-английски.

Маленький незнакомец вытаращил глаза и пристально посмотрел на Витю. После небольшой паузы он спросил:

– А как тебя зовут?

– Витя. А тебя?

– Джеймс.

Витя был очень замкнутым ребёнком и после знакомства с кем-нибудь из его сверстников просто не знал, о чём говорить дальше. Обычно на этом всё и заканчивалось. Но столь необычная и довольно экстремальная ситуация заставила его выдать следующие слова на английском языке:

– А где мы, Джеймс?

– В Канаде. Это деревня Резольют.

И Джеймс, недолго думая, плюхнулся в сугроб. Витю позабавило его поведение, и он повторил за своим новым знакомым. Мальчишки весело рассмеялись.

– Эй, Джеймс, чего ты застрял? Иди к нам! – слышались голоса ребят. Витя приятно удивился, когда понял эту английскую речь.

– Хочешь с нами поиграть в снежки? – обратился Джеймс к Вите.

– Да, – неуверенно ответил наш юный герой, и два мальчика побежали к веселящейся детворе.

Ребята не сразу заметили, как к ним присоединились новенькие. В этой кутерьме разлетающегося снега трудно было вообще понять, что происходит. В тёплой верхней

одежде малыши походили на разноцветных снеговиков, бежали, прыгали, кричали, смеялись, и разбрасывались снегом. Витя быстро влился в это хаотичное движение и сразу вошёл во вкус игры. Он тоже дурачился, кидал снежки в ребят, громко визжал и убегал, и, казалось, ничто уже не могло остановить развеселившегося ребёнка.

Вот оно – счастье детства! Радость, смех, веселье, а главное – беспечность! Полная и абсолютная беззаботность и наслаждение моментом. Вот она – детская непосредственность, наивность и чистота души! Полное погружение в захватывающие игры и таинственные миры, которые казались намного важнее и интереснее реальности, было для нашего юного героя настоящим наслаждением и, может быть, даже смыслом жизни. Ведь там он был свободен. И никто от него ничего не требовал. Ровным счётом ничего...

Вдруг слышались голоса взрослых. Сначала Витя ничего не понял, но потом стало ясно, что это родители зовут своих детей. И тут вся Витина беспечность и радость мимолётно исчезли, будто его облили холодной водой. Он внезапно столкнулся с суровой реальностью и... растерялся.

А что ему было делать? Одному в этом неизвестном месте, где никто даже по-русски не говорит... Где его дом? И что ему есть на ужин? От этих неожиданных мыслей у мальчика закружилась голова. Он и представить себе не мог, что вообще можно думать о таких вещах. Ведь дом, папа, мама, тепло и уют были для него чем-то самым собой разумеющимся. А

теперь-то что?

Витя сел на снег, обхватив руками голову. Он вдруг почувствовал, что хочет смыть с себя неприятный пот, что его желудок настойчиво урчит, а ноги просятся в тепло. Хоть Витя и много двигался, это не помогло ему окончательно согреться. Так наш юный герой впервые почувствовал себя в мире взрослых.

Вскоре за Джеймсом пришёл папа. Мистер Кауэр, одетый в чёрный пуховик, казался добрейшим человеком на свете. Его крупные черты лица и полноватая фигура безгранично располагали к себе, а в больших голубых глазах светились доброта и великодушие. Витя, увидев папу Джеймса, вдруг почувствовал облегчение и подсознательно решил не отходить далеко от своего нового друга.

– Папа! Папа! – воскликнул Джеймс, подбегая к отцу. – Ты представляешь! Я познакомился с иностранцем!

– С иностранцем?! Да ну! – отмахнулся мистер Кауэр. – Ты шутишь.

– Нет, я не шучу. Я не шучу! – ликовал Джеймс. – Эй, Витя! Иди сюда!

Бедный ребёнок, к счастью, понял, чего от него хотели. Он тут же побежал на зов своего друга.

– Это Витя из России, – представил его Джеймс. – Витя, знакомься, это мой папа.

– Мистер Кауэр, очень приятно, – подхватил папа Джеймса и протянул руку новому знакомому.

Витя ответил на слова приветствия так, как мог, и пожал руку мистеру.

– Он говорит, что плохо знает английский, – объяснил Джеймс. – И он не помнит, как сюда попал. Верно?

Витя кивнул головой, хотя не все слова были ему ясны.

– Хм... – задумчиво посмотрел мистер Кауэр на Витю. – А где твои родители?

– Наверное, в России, – растерянно ответил Витя.

– И как так получилось? Детям же летать на самолётах запрещено без взрослых...

– Я не на самолёте прилетел... – начал Витя на ломаном английском. – Я просто сидел в своей комнате, там были блёстки...

Однако его скудной лексики не хватило, чтобы описать своё волшебное путешествие. Джеймс и мистер Кауэр лишь недоуменно переглядывались, пытаясь разобраться в путанных словах и предложениях. Тогда мистер Кауэр решил сжалиться над бедным ребёнком и сказал:

– Хватит. Можешь не продолжать. Рано или поздно мы поймём, в чём тут дело, а пока – пойдём с нами.

Витя лишь отчётливо услышал последнюю фразу. Не медлив ни секунды, он принял это заманчивое предложение.

Кауэры жили в зелёном одноэтажном домике у просёлоч-

ной дороги. В нём было несколько комнат: две спальни, две детские комнаты, гостиная и кухня.

В доме жили две семьи. Вторая спальня была занята супругами Свэйтс, приходившимися родственниками миссис Кауэр. Во второй детской хозяйничал их сын Карл, двоюродный брат Джеймса. Это был хмурый и необщительный мальчик лет тринадцати, который не проявлял ни к кому ни малейшего интереса. Когда он узнал об иностранце, то лишь угрюмо кивнул головой в знак приветствия, а затем удалился в свою комнату.

Витю поселили в гостиную. Он был рад наконец-то снять с себя большой, стеснявший движения пуховик. Затем он принял холодный душ и почувствовал себя как нельзя лучше. К счастью, мальчику пришлось впору старая одежда Джеймса. Хотя она была порванной в некоторых местах и несколько потрёпанной, Витя был несказанно рад, что о нём позаботились.

Вскоре все собрались за большим кухонным столом. Даже нелюдимый Карл соизволил выйти из комнаты. Витя с любопытством разглядывал членов семьи, иногда робко опуская голову.

Миссис Кауэр была женщиной лет тридцати с большими чёрными глазами. В её внешности проскальзывало что-то восточное: струящиеся чёрные волосы, нос с горбинкой, ухоженные руки и непроницаемый, абсолютно беспристрастный взгляд. По её глазам трудно было определить, о чём она ду-

мает. Миссис Кауэр долго и пристально смотрела на Витю во время ужина. Она была немногословной и вела себя довольно сдержанно. Несмотря на её холодность и некую отстранённость, Витя почувствовал, что именно к ней нужно обращаться за помощью, и она точно его поймёт.

Свэйтсы, родители Карла, показались мальчику мрачными и недовольными жизнью людьми. Миссис Свэйтс внешне очень походила на свою сестру, однако в то же время они были абсолютно разными. Эта женщина активно помогала миссис Кауэр по хозяйству, говорила мало и только по делу и также внимательно и оценивающе смотрела на Витю. Её движения были более резкими и грубыми, а по её взгляду было件件но, что Витя для неё – лишь очередная обуза. Мистер Свэйтс проявил полное равнодушие по отношению к новому гостю. Он даже не затруднил себя поздороваться с ним, а за ужином просто не смотрел на мальчика. Пожалуй, только Джеймс был искренне рад, что Витя поселился у них дома.

За ужином говорили мало. И то, если что-то обсуждали, Витя этого попросту не понимал. Иногда вспоминали о нём, и кто-то задавал ему вопрос, на который ребёнок лишь растерянно пожимал плечами или машинально кивал головой. Потом о нём просто-напросто забывали, и тихая беседа продолжала течь своим ходом.

После ужина все собрались в гостиной, и как понял Витя, они намеревались посмотреть фильм. Наш юный герой, наевшись до отвала, был рад отдохнуть. Он только прилёг на диван, как к нему подбежал радостный Джеймс и сообщил:

– Мы смотрим фильмы всей семьёй каждый свободный вечер.

Витя, к своему удивлению, понял каждое слово.

– Какой фильм вы будете смотреть сейчас? – спросил он.

– Не знаю. Они пока думают.

Группа взрослых сидела на ковре и оживлённо спорила. В гостиную вошёл Карл и робко сел на край дивана.

– Почему он молчит? – шёпотом спросил Витя, указывая на Карла.

– Он всегда был таким. С рождения, – ответил Джеймс, сразу помрачнев.

Карл украдкой взглянул на нашего героя, а затем, смутившись, быстро отвёл взгляд. Витя растерянно посмотрел в пол.

Он не знал, о чём разговаривать с Джеймсом, а тем более, с Карлом. Ещё будучи в России, мальчик особо не заводил знакомств со своими сверстниками, и у него совсем не было друзей. В школе он слыл нелюдимым, но очень способным мальчиком, который умудрялся лучше всех писать контрольные и олимпиады. Однако Витя никогда никого не подпускал к себе. На переменах чаще всего гулял один или спокойно делал уроки. Он понятия не имел, о чём говорят

дети, и никогда не интересовался этим. Ему было приятно и комфортно жить в своём мире, а любое взаимодействие с посторонними людьми вызывало в нём бессознательную панику.

И сейчас Витя сидел, беспомощно глядя перед собой. «Хорошо, – подумал он, – что я не знаю языка. Моя необщительность хоть как-то здесь оправдана». Зная язык, он всё равно вёл бы себя так же. И тем самым оттолкнул бы от себя людей, особенно Джеймса. Но теперь его молчаливость и неумение общаться, наоборот, вызывали любопытство и даже сочувствие.

Вскоре определились с фильмом. Было решено смотреть «Всё о Еве», фильм 1950 года. Все расселись по разным углам гостиной (мистер Свэйтс занял большую часть дивана, и Вите пришлось потесниться). Миссис Кауэр включила телевизор, и все разом замолчали.

Витя с интересом разглядывал актёров, их движения, манеры, костюмы, но решительно ничего не понимал. С первых минут он осознал, что перед ним история о взрослой жизни, о чём-то таком далёком и неизведанном. Может быть, если б он лучше знал английский, ему было бы даже интересно смотреть. Но увы, перед Витей разворачивалась какая-то непонятная и странная история, которую совершенно невоз-

можно было разобрать. В скором времени это уже стало раздражать мальчика, и он отвёл взгляд от экрана и задумался.

На самом деле ему очень хотелось спать. Но Витя не мог заснуть при включённом свете и звуках непонятной речи. «Вот если бы только оказаться дома... в своей кровати...» – устало подумал Витя и вздохнул.

Ему вдруг так захотелось вернуться в Москву. К родителям, которые его понимают и любят. К своим игрушкам. К школе, которая ему очень нравилась в глубине души. К лесу возле дома, где можно было подышать свежим воздухом и отдохнуть от городской суеты...

Витя чуть не задремал. Он бы и уснул, если бы не почувствовал, как мистер Свэйтс легонько толкнул его. Увидев чужих людей вокруг, а перед собой – чёрно-белое видео на английском, Витя помрачнел. Они все были равнодушны к нему, а теперь даже забыли о его существовании. И сейчас они точно не дадут ему уснуть.

Мальчик долго смотрел в потолок и размышлял. Он пытался смотреть фильм, пытался заснуть, пытался не думать ни о чём, но всё было впустую. Ему очень мешали люди, а мистер Свэйтс будто нарочно толкал совсем измученного мальчика.

Так Витя страдал, пока не кончился фильм. После этого все разошлись по комнатам, и наконец-то можно было спокойно выключить свет.

Витя проснулся от громкого шума. Кто-то спорил и кричал. Сначала он долго не мог понять, где находится, но протерев глаза и увидев перед собой экран телевизора, мальчик чуть не взвыл с тоски. В его памяти промелькнули лица новых знакомых, чёрные волосы миссис Кауэр, угрюмый взгляд Карла и безразличное поведение мистера Свэйтс. «Я только проснулся, а уже устал от людей», – тяжело вздохнул Витя и прислушался к эмоциональным голосам за дверью.

Однако мальчику очень быстро наскучило слушать непонятную ругань, и он, побуждаемый голодом и естественными потребностями, вышел из комнаты. Стоило ему это сделать, как словесная перепалка прекратилась. Витя поднял свои заспанные глаза и увидел миссис Кауэр и супругов Свэйтс, взгляд которых был немного растерянным. «Они точно говорили обо мне», – подумал мальчик и невозмутимо поздоровался с ними. Не услышав слов приветствия и не останавливаясь, Витя направился в ванную комнату.

Когда он зашёл на кухню, то увидел неубранный стол и грязную посуду в раковине. За столом сидела миссис Кауэр и пила чай. Увидев Витю, она мягко улыбнулась и сказала:

– Доброе утро, Витя. Извини, что потревожили тебя. Ты будешь овсяную кашу? Вот хлеб и масло, можешь ещё сделать бутерброд.

– Спасибо, – ответил Витя и сел за стол.

Миссис Кауэр подала ему тарелку с кашей и налила горячего чаю. Витя второй раз поблагодарил женщину и принялся молча есть.

Каша была на редкость вкусной. У мальчика давно не было такого приятного и аппетитного завтрака. На десерт миссис Кауэр предложила ему тирамису собственного приготовления, на что Витя охотно согласился.

Пока мальчик наслаждался деликатесами и пил ароматный имбирный чай, миссис Кауэр уже успела помыть всю посуду. Убравшись на кухне, она опять уселась за стол и взглянула на счастливого сытого мальчика.

– А где Джеймс? – спросил Витя.

– В школе, – ответила миссис Кауэр, – и Карл тоже.

– Вот как, – промычал мальчик, немного расстроившись.

– Послушай, нам надо серьёзно поговорить, – вдруг сказала женщина. – Я надеюсь, ты меня поймёшь.

– Пытаюсь, – выдавил из себя Витя. – Говорите помедленнее, пожалуйста.

– Хорошо, – миссис Кауэр перевела дух. – Я должна сообщить о тебе властям. (здесь Витя не понял). Ты не можешь жить у нас. Моя сестра против, а её муж ненавидит русских.

– Почему? – поднял глаза Витя.

– Это всё политика. Вырастишь – узнаешь.

– А я эээ люблю Резольют. Давно мечтал сюда приехать.

– Но почему? – удивилась миссис Кауэр. – Тут так далеко от цивилизованного мира. И так неудобно. Полная глушь.

– Не знаю... – задумчиво произнёс Витя. – Хотелось просто приехать. Я хочу ээээ погулять здесь.

– О, конечно! Ты же толком ничего здесь не видел... хочешь один пройтись?

«Один?! – подумал Витя. – Не может быть! Я всегда боялся выходить из дома один... Но здесь мне всё равно. Даже лучше будет уйти от людей. Хотя миссис Кауэр довольно милая...»

– Попробую один, – ответил Витя. – Но, если что, ... эээ можно будет вернуться к вам?

– Непременно! – воскликнула женщина. В её чёрный глазах сверкнули загадочные искорки. – А вообще я рекомендую пройтись по окраине. Там живут инуитские племена.

– Да? Какие племена?

– И-ну-ит-ские. Они очень гостеприимны. Только лучше ничего не есть у инуитов, потому что их пища не предназначена для наших желудков.

Витя пожал плечами и в который раз поблагодарил свою благодетельницу. В знак признательности он сам помыл за собой посуду. На кухню пару раз заглядывали Свэйтсы, бросали на Витю молчаливые, но явно недоброжелательные взгляды.

Убравшись на кухне, Витя отправился в гостиную. Он хотел немного отдохнуть перед прогулкой. За окном было всё

ещё темно, и мальчика опять стало клонить ко сну.

Однако в гостиной лежал мистер Свэйтс, развалившись на диване. Он что-то быстро печатал на ноутбуке. На Витю он не обратил ни малейшего внимания. Мальчик лишь стыдливо покраснел, будто совершил какой-то непростительный поступок, и быстро вышел из комнаты. Оказавшись в прихожей, он налетел на миссис Кауэр, которая скрупулёзно чистила ботинки.

– Миссис Кауэр, – запыхавшись обратился к ней Витя. – А сколько времени?

– Около полудня, – ответила женщина, подняв голову.

– А почему ... эээ темно за окном?

– Ах, в это время года темно всегда... круглая ночь двадцать четыре часа в сутки, – улыбнулась миссис Кауэр.

– Ух ты... – поразился Витя. – Но я же ничего не увижу...

– Увидишь... Там очень красиво.

На улице действительно было необыкновенно красиво. Маленькие фонари украшали каждый домик, придавая им ореол загадочности, а равнины успокаивали и даже радовали глаз. Витя прошёлся по узеньким однообразным улочкам, обойдя похожие друг на друга хижины. Они все были одинаковой высоты, за исключением общественных зданий. На

его пути попались продуктовый магазин и отель Inns North, которые сильно выделялись на фоне маленьких жилых домишек. А пройдя чуть дальше, Витя заметил странные полукруглые постройки из снега, сливающиеся с белой равниной.

На улице совсем не было людей. Но Витю это не смутило. Наоборот, он был очень рад своему одиночеству. Бело-снежные просторы, необычная местность и пустынные улицы придавали мальчику сил. Хотя воздух был морозным, Вите стало легче дышать, а его мысли прояснились.

«Всё-таки здесь здорово, – подумал он. – Не зря я сюда стремился... теперь мне хотя бы спокойнее.»

Он думал о свободе, о пустоте, об одиночестве. Эти новые ощущения неожиданно наполнили его жизнь. Он и не подозревал, что можно было так думать раньше. Что можно было гулять одному и получать эстетическое удовольствие от холодной снежной пустыни. Он не знал, к чему приводят мечты... Навязчивые желания... Что если мечта исполняется, меняется жизнь. И сейчас он казался себе совсем другим. Он видел мир не так, как раньше. Какие-то новые, туманные и совсем непривычные материи завладели его крошечным существом.

В то же время Витя думал о доме. Он чувствовал, что уже начинал замерзать, что ему надо было вернуться к Кауэрам, но он не хотел. Он понимал, что был там чужим, что его совсем не ждут. Вспомнив развалившегося на диване мистера Свэйтс, Витя лишь поморщился. Действительно, почему он

так не любит русских?

Витя побрёл к необычным полукруглым строениям. Что-то ему подсказывало, что надо было идти именно туда, словно там он получит ответы на все вопросы. «Жалко, что я не в Москве, – подумал Витя, и у него защемило сердце. – Жалко, что я не с родителями... Они хоть и строгие, но... они желают мне добра. И они единственные на всём белом свете, кто искренне хочет этого для меня. Им не всё равно...»

Витя шёл и думал. Его сердце охватила грусть, а мысли начали путаться от внезапной тоски. Ему всё равно было куда идти. Он здесь никто, и ему только оставалось играть чужую роль...

Вскоре Витя оказался недалеко от загадочных построек. Возле одной из них сидел человек. Он грелся у яркого костра. Этот огонь особенно выделялся на фоне тёмно-фиолетовой глубокой ночи. Или дня... Витя уже забыл, какое было время суток.

На человеке был длинный плащ из оленьей шкуры, а на ногах – сапоги длиной до середины голени. На руках красовались рукавицы из меха, а вместо шапки голову защищал тёплый капюшон. Вите показалось, что его пуховик, купленный, в обычном магазине намного уступает по теплоте инуитской одежде, и мальчик даже немного позавидовал незна-

комцу. Глаз мужчины почти не было видно, но, когда он поднял голову и посмотрел на Витю, ребёнок даже немного вздрогнул. Два чёрных узких глаза внимательно рассматривали любопытного пришельца. Однако это длилось недолго. Через какие-то доли секунды инуит знаком предложил Вите погреться у костра и улыбнулся.

Мальчик осторожно присел возле загадочного мужчины. Разговаривать было бессмысленно. Витя сомневался, что его новый знакомый даже знает английский. Да и зачем нарушать торжественное безмолвие природы?

Витя немного согрелся у костра. Ему стало вдруг так хорошо и спокойно, а в теле появилась приятная усталость. Инуит легонько тронул мальчика за плечо и показал на небо. Витя поднял голову и чуть не потерял дар речи. Перед ним сверкало необычной красоты северное сияние.

Наверное, не хватит слов, чтобы описать это уникальное зрелище. Золотые, красноватые, сиреневые и фиолетовые краски разливались по всему небу. Будто рука невидимого художника разбросала все эти цвета по чёрному полотну, не имеющему ни конца, ни края. Лишь изредка где-то вдали мелькали звёзды, отчаянно напоминая о себе. Но они казались настолько маленькими и невзрачными по сравнению с яркой гаммой переливающихся цветов, что можно было легко забыть о том, что это ночное звёздное небо. Оно, скорее, создавало ощущение чего-то ирреального, будто это было новое, неизведанное человеком измерение. И только ему,

Вите, посчастливилось стать свидетелем столь необычного и прекрасного таинства...

Вдруг мальчик опять почувствовал лёгкое прикосновение. Он обернулся и увидел, что инуит поднялся. Мужчина показал сначала на себя, потом на необычное полукруглое строение и повёл рукой, будто приглашая. Витя поклонился в знак признательности, но отрицательно покачал головой. Что-то ему подсказывало, что нужно было идти вперёд. И наслаждаться удивительным северным сиянием.

Тогда инуит кивнул. Он лишь протянул руку мальчику и передал ему подвеску, на которой красовался настоящий клык. Удивлённый Витя принял этот странный и неожиданный подарок. Он растерянно рассматривал грубо вышитую тесьму. Острый клык, который едва можно было разглядеть в темноте, несколько смутил Витю. «Оберег, – решил он. – Теперь мне ничего не грозит».

Витя благодарно кивнул своему новому знакомому. В ответ на это инуит указал мальчику путь, раскланялся, а затем медленно пошёл в сторону своего жилища.

Уже догорал костёр. Вите пора было идти. Мальчик, вдохновлённый каким-то новым чувством, двинулся навстречу снежным равнинам. А впереди его ждало завораживающее северное сияние...

Незаметно северное сияние сменилось вечерним небом с фиолетовой дымкой. Теперь стало чуточку светлее. В без-

людной пустыне изредка начали появляться деревья, а вскоре заснеженные равнины превратились в густой лес.

Витя не знал, куда идёт. Но он не хотел об этом думать. Какая-то неведомая подсознательная сила влекла его вперёд, и он послушно следовал за ней. Ему казалось, что это правильно.

Появление леса ничуть не смутило его. Витя сжимал в руках талисман, подаренный инуитом, и продолжал двигаться дальше. Какая разница, что окружает человека, если с ним есть его сила?

Вдруг перед Витей показалась знакомая дорога. Он знал, что если идти прямо, то можно вскоре выйти из леса, а там и до его дома было совсем не далеко. Ободрённый мальчик, уже позабыв о Резольюте, стремительно побежал по широкой асфальтированной дороге. Мимо него проносились деревья, в глаза лезли ветви, а холодный воздух сковывал дыхание. Чем быстрее он бежал, тем больше отдалялась от него земля. Мальчик становился выше, его руки и ноги – длиннее, а детская одежда постепенно увеличивалась в размере. Но Витя не обращал на это внимание. Он просто бежал, не сбавляя скорости.

Иногда ему на пути попадались люди. Среди них были женщины с колясками, пожилые пары, и одинокие прохожие, выгуливающие собак. Витя пронёсся мимо них, как ветер, сжимая свой талисман в кулаке. Он умудрился пробежать осторожно и никого не сбить на своём пути. Прохо-

жие лишь оглядывались с недоумением и пожимали плечами. Витя был уже далеко впереди.

И вот он вышел на городскую улицу. На миг ему показалось, что он сильно вырос, но это ничуть не волновало его. В голове Вити путались радостные мысли, а его сердце забилось при виде до боли знакомых московских пейзажей.

Вот и его дом... Он зашёл в подъезд вместе с какой-то пожилой женщиной, а затем торопливо взбежал на свой этаж. Оказавшись на лестничной клетке перед своей квартирой, он, чуть дрожа, нажал на кнопку звонка.

– Витя! – радостно воскликнула мама, открыв дверь. Она тут же впустила сына в квартиру и нежно обняла его. Он почувствовал её горячие слёзы на своей шее.

Они плакали от радости и не могли вымолвить ни слова. Как же было хорошо... Что-то всколыхнулось у Вити в груди, и на смену постоянному напряжению пришёл уют и покой.

Мама отпустила Витю и быстро оглядела его с головы до пят.

– Как ты успел так вырасти? – удивилась она. – Тебя не было всего день...

Витя, только сейчас осознавший произошедшее, посмотрел на себя в зеркало.

Перед ним стоял высокий подросток с покрасневшим от мороза лицом. В его больших чёрных глазах сквозила лёгкая растерянность, а в правильных чертах лица уже не было той

детскости и наивности.

Витя стал взрослым. В руке он продолжал держать белый клык.

Душа

Она сидела на скамейке в слегка потрёпанной, мятой одежде. Синяя юбка почти полностью закрывала ноги в серебряных босоножках. На голове сбился пучок, тонкие пряди так и липли к мокрым от слёз глазам, а тёмная помада неровно размазалась вокруг губ.

Она была красива. Большие серые глаза, аккуратный нос, правильные черты лица, тонкая талия, лёгкая фигура... В этом была вся она. В этой милой хрупкости и невинной, будто детской, красоте. Но она была уже давно не ребёнком...

Рядом с ней сидела её маленькая копия. Самая обыкновенная девочка лет десяти с большими серыми глазами и аккуратным носиком. На ней была цветная летняя футболка и джинсовая юбка. Девочка задумчиво теребила чёрную розу в своих маленьких руках.

Они сидели во дворе большого дома. Их окружали милые аккуратные садики с ровными деревьями. Вокруг было чисто и свежо. Казалось, никто не осмеливался нарушить тишину и уют этого спокойного дворика. Слишком всё было идеально, правильно и симметрично.

Молодая девушка курила. Её маленькая копия молчала и перебирала лепестки чёрной розы.

– Всё зря, – говорила девушка, стряхивая пепел с сигареты. – Жизнь катится к чертям. К чертям! – и она слегка за-

дрожала.

– Не говори так, – вдруг ответила девочка. – Такие слова ни к чему хорошему не приведут.

– Я понимаю это. Понимаю! – бросила старшая. – Но поделать ничего не могу. У меня бессилие полное...

– Объясни, в чём проблема. Ты, разве не для этого меня позвала? – раздражённо спросила девочка. – А то я могу исчезнуть. Хлоп, и всё...

– Стой, подожди, – поспешно произнесла молодая девушка, затягиваясь. – Мне нужно выговориться. Ты – моя последняя надежда!

Она нервно повела рукой и смахнула слезу. Ребёнок терпеливо молчал.

– Я просто не понимаю, куда идти. Зачем жить... Сколько раз я пыталась что-то начать, какое-то дело, например, так мне всегда не везло. Мне чертовски не везло с людьми! Да и с делами... Не знаю, что хуже...-сбивчиво говорила она.

Девушка вдруг замолчала и задумчиво вдохнула новую порцию никотина.

– Так что же? – спросил ребёнок после затянувшейся паузы. – В чём проблема-то?

– Ах... – протянула девушка. – Как сложно тебе это всё объяснить! Чтобы ты поняла... Но ладно, – она вздохнула. – Начнём с того, что я всегда искала работу. И я потеряла себя. Не знаю, поймёшь ли ты это, милое дитя? Я постоянно просматривала эти вакансии, но все они меня раздражали.

Ходила даже на пару собеседований, но, увидев бедных людей, работающих там по десять часов за бесценок и выполняющих какие-то глупые, механические функции, мне сразу хотелось бежать. И все твердят что-то про успех, про то, что чем больше и качественнее они будут делать эту ерунду, тем выше у них шансы зарабатывать больше. Но, а что они производят? Что делают? Как правило, какую-то глупую, никому не нужную рекламу. Всё. Больше рынку труда не нужно творчество. Только пресловутая реклама и есть единственное творчество, которым ты можешь заниматься. Все остальные вакансии – это механические обязанности, работа по схеме...

– Это понятно, – перебила девочка уставшим голосом. – Давай ближе к делу.

– Ах, там всё очевидно, – отмахнулась молодая женщина, стряхивая пепел. – Когда я была студенткой и пыталась подрабатывать, это ещё одно... Меня хотя бы успокаивало, что я ещё учусь в университете, что, когда его закончу, мне будет легче устроиться, ведь у меня будет диплом и свободное время... Но это был самообман! Всё то же самое, та же ерунда! Я несколько работ перепробовала, но ни на одной не смогла удержаться больше двух месяцев. Конечно, я пыталась найти связи, чтобы устроиться на нормальное место, но все мои попытки проваливались. Связей особо ты не найдёшь, если ты простой студент, с тобой никто не будет разговаривать. Да и куда идти, чтобы найти эти самые связи? В общем, мне

с этим делом совсем не везло... И вот сейчас мне двадцать пять лет, и я работаю на невыносимой мне офисной работе и опять хочу её бросить. Единственное, что меня останавливает, это то, что платить-то надо как-то за жильё... Но я не могу, не хочу там оставаться, не хочу быть рабом. Но и опять искать что-то другое – это совсем не выход... Господи, что мне делать?

Передо мной было несколько дверей. Каждая из них была разрисована в стиле разных сайтов. Будто иконы различных приложений выросли в разы, и теперь это уже был не какой-то отдалённый виртуальный мир, а что-то осязаемое, близкое и чересчур реальное. Как я попала в это здание с такими странными дверьми, уже не помню. Знаю только, что это было единственное подходящее мне укрытие. От чего? Понятия не имею. Но какие тут возможности! Какой удивительный интерьер! Я, недолго думая, открыла дверь, которая была полностью окрашена логотипом вконтакте.

Передо мной открылась просторная и абсолютно пустая комната со стенами в стиле аккаунта пользователя. Но самое примечательное было то, что в этой комнате оказалось несколько дверей: одна с новостями, другая с сообщениями, третья с музыкой и так далее. Я прошла по залу и остановилась на самой середине, как замороженная. У меня разбе-

гались глаза. Столько дверей! И куда бы пойти?

Так, может, я зашла бы в сообщения, если бы мне кто-то написал. Но там было всё чисто. Тогда, резко развернувшись, я отправилась к большой двери с новостями.

То, что я увидела за ними — невозможно было и описать. Это был узкий коридор с видео инсталляциями, текстами на разных языках, фотографиями и рисунками, размещёнными на больших электронных стенах. Да, это были не простые обои. Вся стена напоминала гигантский телевизор, на котором мелькали всякие изображения. Здесь были люди, куда-то спешащие, что-то говорящие, выступающие на сцене или на спортивных соревнованиях. Здесь были все: и депутаты, и ведущие, и артисты, и музыканты, и выдающиеся спортсмены. Они сменялись быстро, буквально в доли секунды, и шли один за другим, как пёстрый многоликий маскарад. Стоило одной знаменитости сменить другую, как прежняя тут же забывалась. И этот круговорот остановить было невозможно.

Я бродила по коридору новостей довольно долго. Мне казалось, что он никогда не кончится. А, может, действительно этот лабиринт не имеет конца и края?

Иногда на стенах появлялись двери с каким-нибудь интересным изображением. Это были живописные пейзажи, рабочие фотографии, портреты каких-нибудь знаменитостей, иконки разных сайтов и яркие плакаты рекламы. Однако эти двери появлялись нечасто.

Когда светящиеся тексты о какой-то ненужной ерунде, которая происходит в мире, начали мне надоедать, а часто меняющее субъективное мнение, мелькавшее в новостях, совсем запутало меня, я перестала читать написанное на стенах. Изображения и небольшие ролики были более развлекательными. Они показывали известных людей, которые выглядели очень обаятельно и добродушно, будто приглашая на экран. Их энергия нередко завораживала, и мне так хотелось пообщаться с ними вживую. Но нас разделяла огромная стена – стена между богатыми и бедными, хитрыми и наивными, всесильными и беспомощными.

Они были недоступны, как моё детство, которое уже не вернуть никогда. Как другая загадочная планета, живущая своей яркой и интересной жизнью, которая так далека от забот простых земных людей. Чувствуя себя совсем беспомощной и ничтожной перед ними, я захотела бежать. Их недоступность унижала меня, заставляла чувствовать себя более посредственной и недостойной, чем я есть на самом деле. Тогда я перестала обращать внимание и на эти лица...

Вскоре передо мной появились двери. Впервые я была рада возможности скрыться за ними от этих бездушных и безликих «звёзд». Слава богу, пришёл конец моему бестолковому и бессмысленному унижению! Да, они многого добились, они молодцы... Но как? Какими путями? Только они сами это знают.... А мне чертовски нужны были деньги. Как и всегда. И я открыла красную дверь с иконкой «HeadHunter».

Передо мной раскинулись красочные описания разных вакансий, к каждой из которых была приложена фотография рабочего места. Офисы, банки, школы, Макдональдс, дорогие рестораны – всё это пестрело рядом со скучными надписями о требованиях к соискателю, о его будущих обязанностях и возможных льготах, если такие были. Но почти нигде не были указаны контактные данные работодателей.

Я вновь шла по большому лабиринту, на стенах которого сменялись эти глупые вакансии, одна за другой. Чего хотел рынок труда? Секретарей, менеджеров, персонал в колл-центры, переводчиков, рекламщиков, бухгалтеров, официантов, охранников, уборщиц и продавцов-консультантов. Причём почти для каждой работы, которая, как правило, оценивалась в лучшем случае в 50 тысяч, необходимо было иметь высшее образование и опыт не менее года.

Неужели я настолько глупа, чтобы так работать? Неужели люди с гуманитарным образованием настолько не уважают себя, чтобы пойти на такое? Хотя многим просто некуда деваться...

Я шла по этим коридорам с леденеющим сердцем. Чем больше вакансий я просматривала, тем тяжелее становилось у меня на душе. Будто меня закупоривали в тесную консервную банку, а я сопротивлялась всеми силами. Но ничего поделать не могла...

«Хорошо, что я студентка, – промелькнуло у меня в голове. – Я пока учусь, и сейчас мне можно не придавать большо-

го значения работе... Конечно, подработка никогда не мешает, но без неё пока жить можно... Пока родители присылают деньги и требуют только успешно закрытой сессии, можно не думать о суровой реальности взрослого человека...»

– Ну что ж, пожалуй, мы на этом закончим, – вдруг послышался глухой голос профессора. – О политических учениях современности мы поговорим на следующей лекции.

Я быстро оторвалась от телефона. Студенты, сидевшие в ледяной и в то же время душной аудитории, начали суетиться. Они складывали тетрадки, ручки, карандаши, листы бумаги с текстами, ноутбуки и планшеты в свои сумки или рюкзаки. Многие уже активно разговаривали между собой несмотря на то, что лектор ещё был в аудитории. Я быстро собралась под этот шум, раздражающий слух, и поспешила к выходу.

Мне было некого ждать. Близких друзей в университете у меня не было, да и мне ни с кем не хотелось общаться в конце тяжёлого учебного дня.

Очень скоро я оказалась в холле. Попрощавшись с однокурсниками, я выбежала из здания и направилась к метро...

– Мне так чужды эти проблемы, – произнесла девочка. – Я ещё маленькая, наивная, ничего не понимаю. Но мне весело живётся. Только посмотри на это солнце...

– Когда-то я была тобой... – тихо сказала девушка. – Да, я раньше была счастливой... Любила писать стихи... и рисовать. Но тогда я была маленькой, совсем молоденькой, и мир только открывался мне... и я восхищалась. У меня было такое богатое воображение... И мне так нравилось быть собой! Но куда всё это ушло? Что случилось?

– Ой, посмотри на эту красивую, ярко-зелёную траву! – воскликнул ребёнок, почти не слушая взрослую девушку. – Я бы всё тут нарисовала! А двор какой милый и приятный... Вспомни детство! – вдруг повернулась она к несчастной девушке. – Не зря же я пришла к тебе... Я так люблю создавать картины и сочинять сказки, ты же знаешь... Ты же была мной.

– Будто творчество мне как-то сейчас поможет, – фыркнула девушка. – Будто, занимаясь рисованием, я разбогатею и смогу себе позволить всё, что угодно.

– Ну если думать только о материальном, можно сойти с ума, – покачала головой девочка. – Хотя это тоже важно... Посмотри, какая бабочка! Она села мне на руку, – и девочка рассмеялась. – Я её обязательно нарисую. А вообще ты лучше рисуешь, чем я... Ты уже выучилась где-нибудь, наверное. Сможешь её мне нарисовать? Я оставлю себе на память...

– Но мне некогда...

– А ты расслабься и живи так же, как я. Разве какие-то глупые и скучные дела могут быть важнее, чем творчество,

которое останется после тебя и принесёт мне радость?

Девушка вытерла слёзы. К её опухшим красным глазам липли каштановые локоны, и она слегка раздражённо убрала их нежной и тонкой рукой. Она бросила сигарету в урну и задумалась. Ребёнок замолчал. В глазах девочки читалось необъяснимое ожидание.

– Ну хорошо, – вдруг тихо сказала девушка. – Я нарисую тебе бабочку... А вообще я мечтала стать кинорежиссером в детстве... и известным художником... Я вспоминаю! Но увы, всё сложилось не так. Не так! Меня никто не поддерживал, и надо было зарабатывать деньги... Я и забыла о том, что когда-то у меня была мечта...

Вдруг девочка протянула чёрную розу своей собеседнице. Несколько лепесточков упало на её раскрытые ладони. Стоило им коснуться её аккуратных тонких рук, как они окрасились в ярко-розовый цвет. Как только девушка взяла в руки этот обречённый цветок, он превратился в яркую розу насыщенного малинового цвета. Розовые лепестки, ранее покоившиеся на её ладонях, в мгновение ока украсили новый, красиво распутившийся бутон.

– Я вспомнила! Вспомнила! – воскликнула девушка с неожиданным восторгом. – Спасибо! Спасибо тебе за всё! – и поцеловала дитя в макушку.

Затем она вскочила со скамейки и побежала прочь. Её платье развевалось, волосы сбивались и лезли в глаза, но всё её существо вдруг наполнилось светом и вдохновением. Она

убегала стремительно и уверенно, и вскоре превратилась в маленькую чёрную точку, мелькнувшую вдали. Девочка, несколько не удивившись такому неожиданному поведению, задумчиво смотрела ей вслед...

Я спустилась в метро. Люди, как огромные волны, захватывали любого, кто случайно оказывался в этом бурном и безумном течении. Они бежали так быстро, так настойчиво, что любой испугался бы пойти им навстречу. Мне кое-как удалось протиснуться сквозь толпу и ступить на эскалатор. Хотя бы несколько секунд можно было провести в покое, изучая телефон. Но увы, эти считанные мгновения быстро прошли, и теперь я была вынуждена опять слиться с толпой.

Оказавшись в самой гуще людских потоков, я быстрым московским шагом направилась в нужную мне сторону. Однако не успела я подойти к платформе, как меня кто-то тронул за плечо. Конечно, случайно задеть может каждый, особенно в час пик, и будь я старше, может, и не обратила бы на это внимания. Но всё-таки моё юное любопытство взяло верх, и я обернулась.

Передо мной стояла молодая женщина, лет двадцати пяти, с растрёпанным пучком на голове. На ней было лёгкое летнее платье, слегка облегающее фигуру. Взглянув на неё

повнимательнее, я чуть не вздрогнула от удивления. Её лицо было чрезвычайно похоже на моё: те же серые глаза, маленький нос и бледные губы – и мне вдруг стало не по себе. В руках она держала ярко-розовую розу.

Увидев меня, она тепло улыбнулась. В какие-то доли секунды она вытащила откуда-то маленькую бумажечку и сунула её мне в руки. Затем, бросив загадочный взгляд, она развернулась и быстро пошла в другую сторону. Не успела я оправиться от удивления, как она уже потерялась в толпе.

Мой поезд уже уехал, и я растерянно оглядывалась по сторонам. Я пыталась найти глазами эту таинственную незнакомку, столь необычайно похожую на меня. Мне захотелось разгадать секрет моего случайного двойника, и я стремительно побежала за ним.

Однако передо мной лишь бегали бессмысленные толпы, мрачные незнакомые люди, спешащие по своим делам. Я побежала к противоположной платформе, но девушки не было среди тех, кто ждал следующий поезд. Она исчезла, не успев появиться в моей жизни.

Мне ничего не оставалось делать, как возвратиться к своей платформе. Грустно вздохнув, я побрела навстречу бегущим людям, уже почти не обращая на них внимания. «А что, если это была галлюцинация? – с тревогой подумала я. – Вдруг её не существует?»

Неожиданно я почувствовала, что держу бумажку в своей руке. У меня забилося сердце от волнения. Дрожащими

руками я быстро развернула этот маленький клочок бумаги. На нём было написано до боли знакомым мне почерком:

«Хватит терять себя в огромном потоке информации. Твори.

Будущая ты».

Я с недоумением перечитала эту записку несколько раз. Неужели я в будущем не могла бы дать себе совета получше? Очень странно... А может, это розыгрыш?

Через минуту приехал мой поезд. Я зашла в набитый людьми вагон, достала наушники и подключила их к телефону. Любимая музыка заиграла в ушах, и я, забыв обо всём, начала вновь исследовать социальные сети, различные сайты, писать сообщения...